

ПОЛЬСКИЕ ВОЕННЫЕ В СИБИРИ (1904–1920 гг.)

Представлены материалы о пребывании польских военных на территории Сибири в начале XX в.

В начале XX в. особую группу среди сибирских поляков составляли военные, призванные на службу в царскую армию. В основном это были военнослужащие Маньчжурской армии, попавшие на Русско-японскую войну в 1904 г. Многие из них проявили мужество и героизм в ходе войны. Так, польский генерал Роман Ясенский военную службу начинал в гарнизонах Сибири, где в 1896 г. получил звание подпоручика. В ходе Русско-японской войны Р. Ясинский в чине капитана командовал обороной одного из фортов Порт-Артура. После капитуляции крепости он взорвал форт и в результате тяжелого ранения попал в плен. За проявленную храбрость Р. Ясинский был награжден орденом и золотой саблей [1. С. 32]. После демобилизации многие из польских военных остались в Сибири. Можно предположить, что численность военных поляков в Сибири до начала Первой мировой войны не была значительной, но положение изменилось с вступлением в войну России.

С началом Первой мировой войны польские земли оказались в центре военных действий. В австро-венгерскую армию были призваны около 1,4 млн поляков, в германскую – 800 тыс. Из них, по данным отечественных историков, около 100 тыс. оказались в российском плену [2. С. 19]. Значительная часть военнопленных поляков оказалась в лагерях на территории Сибири, в том числе в г. Томске и его окрестностях. На 15 февраля 1916 г. в Томске насчитывалось 368 человек «галицийских» поляков солдат австро-венгерской армии, они составляли 8,8% всех военнопленных, а к 15 марта их численность достигла 525 чел. [3. Л. 483, 584 об]. Однако эти данные о числе польских военнопленных приблизительны, поскольку нет точных сведений о пленных поляках подданных Германии и о польских офицерах. Тяжелые бытовые условия и трудности жизни в плену приводили к высокой смертности военнопленных. Наиболее распространенными заболеваниями являлись: брюшной и сыпной тиф, туберкулез и воспаление легких. Особую опасность представлял тиф, поэтому Главное управление Генштаба ввиду нежелательности оглашения за границей сведений о смертности пленных от брюшного и сыпного тифа указывало начальникам внутренних военных округов, чтобы высылаемые в Центральное справочное бюро и МИД свидетельства о смерти приводили причины смерти без указания на тиф [4. Л. 551].

Однако военнопленные поляки германской и австро-венгерской армий имели некоторые привилегии, в то время как военнопленных немцев предписывалось содержать под строгим надзором. Так, в приказе Томского уездного воинского начальника от 26 октября 1914 г. говорилось, что для облегчения участи военнопленных славян всех национальностей приказано смягчить режим их содержания. К примеру, разрешались отлучки в город без конвоя, а также пленных славян освобождали от принудительных работ и предоставля-

ли им право работы на казенных и частных предприятиях [5. Л. 1]. Правда, при выходе в город они должны были иметь нарукавную повязку с литерами «ВП» и не могли посещать публичные места: театры, кинематограф, кофейни, кондитерские, клубы и библиотеки [6. Л. 495]. Как отмечали в Управлении начальника Омской местной бригады, в ноябре 1916 г. католические священнослужители посещали пленных в лагерях и последние «никогда не лишались духовной помощи» [7. Л. 226]. В воскресные дни военнопленные славяне увольнялись в церкви и костелы, но обязательно в составе команд, а после богослужения команды возвращались в казармы [5. Л. 71]. Филантропические общества оказывали военнопленным всяческую помощь как материального, так и морального характера. Так, в октябре 1916 г. в Томск прибыла Ядвига Дзюбинская, которая получила от Главного управления Генштаба разрешение посещать пункты водворения военнопленных с целью оказания пленным полякам благотворительной помощи [7. Л. 325]. Помощь пленным оказывало и местное польское благотворительное «Общество вспомоществования семействам поляков, участвующих в войне, и бедствующему польскому населению», являвшееся отделом Петроградского комитета в Томске. В состав данного общества после Февральской революции 1917 г. вошли представители пленных поляков Ян Фридлович и Эдуард Свенцицкий, которым было поручено составление списков военнопленных поляков, нуждающихся в помощи [8. Л. 8].

Коренным образом положение пленных поляков изменилось после победы Февральской революции в России. С одной стороны, улучшилось материальное положение военнопленных. Они получили право проживать за пределами лагерей и свободно зарабатывать на жизнь. По правилам, утвержденным военным министром А.Ф. Керенским 30 июня 1917 г., польские пленные могли освобождаться из лагерей при поручительстве местных польских организаций [9. С. 58]. Побег военнопленных из лагеря в Томске были довольно распространенным явлением, но с 1917 г. увеличилось число побегов пленных из пунктов их постоянного водворения. Так, летом 1917 г. Главное управление Генштаба сообщало, что военнопленные, убегая из места водворения, отправлялись в Москву в польский комитет, который удостоверял их состояние как военнообязанных, выдавал им удостоверения, снабжал деньгами [10. Л. 71]. С другой стороны, в этот период в России возникают союзы и объединения польских военных. Данные союзы и объединения создаются поляками-военными и в сибирских городах (Омск, Ново-николаевск, Томск, Иркутск). Эти союзы высказывались за войну до победного конца, поскольку поражение Германии, по мнению членов польских организаций, могло принести Польше свободу. Союзы военных поляков явились основой формирования в Сибири польских военных частей.

Польские военные формирования создаются сначала на Западе России (три польских корпуса были созданы в Белоруссии, Бессарабии и Украине). Необходимо заметить, что после падения царизма руководители польских военных формирований в России считают главными врагами польской независимости страны Центрального блока. Поэтому когда в феврале 1918 г. началось немецкое наступление на восточном фронте и польские корпуса на Украине и Белоруссии были расформированы, то в Центральной России, Поволжье и Сибири началась срочная работа по созданию новых польских формирований.

Мятеж чехословацкого корпуса в мае 1918 г. ускорила организацию польских военных отрядов в крупных городах Поволжья и Сибири. Политическое руководство польскими отрядами осуществлял созданный в июле 1918 г. «Польский военный комитет в России». Поскольку он не располагал материальными ресурсами, то в июле того же года заключил соглашение с филиалом Чехословацкой национальной рады. Согласно соглашению польские отряды входят в состав чехословацкой армии, а взамен получают все необходимое, а именно: вооружение, обмундирование, продовольствие и финансовые средства [11. С. 13]. Есть сведения, что большинство пленных поляков вступили в состав формирующихся польских отрядов. Однако в ходе формирования польской дивизии в Сибири на польских солдат и офицеров, не желавших вступать в нее, оказывался нажим со стороны вербовщиков, белогвардейцев и чехословаков [12. С. 99–100]. Есть сведения о том, что серьезный конфликт произошел на собрании польских военнопленных в Военном городке г. Новониколаевска зимой 1918 г., т.к. многие пленные не желали воевать [13. Л. 5]. К сожалению, мы не имеем данных о том, какое количество пленных не стали вступать в военные формирования и остались в лагерях для военнопленных. Однако можно предположить, что таких было меньшинство.

После прихода к власти в Сибири А.В. Колчака в декабре 1918 г. в край прибывает миссия представителя Антанты генерала М. Жаннена. 16 января 1919 г. подписано соглашение о вступлении представителя Высшего межсоюзного командования М. Жаннена в исполнение обязанностей главнокомандующего войсками союзных государств на Востоке России и в Западной Сибири. Целью соглашения являлась подготовка и координация военных усилий белогвардейцев и их союзников в Сибири. В январе 1919 г. польские отряды переходят в подчинение к французам, которые предоставили польским войскам кредит в размере 19 млн руб.

К этому времени командующему польскими войсками в Сибири полковнику В. Чуме удалось соединить разрозненные отряды в единую V дивизию польских стрелков. К концу 1919 г. численность личного состава дивизии составила 12 700 чел. Состав дивизии не отличался единственным. Около 90% солдат и 70% офицеров были бывшими военнопленными из германской и австро-венгерской армий, а остальные поляки – демобилизовавшиеся из русской армии и добровольцы из Сибири. В связи с этим возникли разногласия относительно участия польской дивизии в военных действиях. Бывшие военнопленные мечтали о возвращении в

Польшу и не желали активного участия в военных действиях на территории Сибири. В отличие от них военнослужащие из русской армии, особенно офицеры, которые враждебно встретили большевистский переворот, выступали за свержение советского правительства и были не прочь приложить к этому свои усилия [12. С. 69–70]. Выражением данного антагонизма являлось формирование двух штабов по руководству польскими войсками в Сибири. Штаб всех польских вооруженных сил в Сибири возглавил бывший офицер польских легионов, эмиссар генерала Ю. Галлера полковник В. Чума. Он разделял стремление польских солдат вернуться на родину. Командование же V дивизией польских стрелков оказалось в руках бывшего офицера русской армии К. Румши. К. Румша выступал за использование польских войск в борьбе с большевиками [9. С. 111]. Определенную роль сыграли и попытки части легионеров поправить свое материальное положение. Чехословацкий генерал Р. Гайда в своем дневнике говорит о том, что большинство польских легионеров видели в службе способ обеспечения своего существования и удобный случай для ведения торговли [14. Л. 420].

В марте 1919 г. польские отряды с фронта были отправлены в Новониколаевск, который стал местом дислокации польской дивизии. Командование дивизии придавало большое значение культурно-просветительской работе среди личного состава дивизии. С этой целью устраивались лекции на различные темы, были организованы библиотека, театр [15. С. 565]. В качестве примера можно привести работу среди солдат и офицеров руководителя культурно-просветительской комиссии V дивизии профессора Ягеллонского университета Романа Дыбосского. Р. Дыбосский читал лекции по польской истории и литературе [9. С. 127]. В дивизии выходила газета «Жолнеж Польски». Адвокат Казимир Гоньский из Буффало организовал доставку в дивизию польских газет из Америки. Довольно успешно работал «Польский солдатский театр» под руководством Чеслава Кадена. Так, в годовщину Грюнвальдской битвы состоялась постановка спектакля по роману Г. Сенкевича «Крестоносцы» [9. С. 130]. Для солдат действовали курсы фельдшеров, санитаров и пекарей.

К декабрю 1918 г. V польская дивизия состояла из четырех полков пехоты, полка улан, полка артиллерии и инженерной бригады. Первый полк польских стрелков носил имя Т. Костюшко. По мнению Р. Дыбосского, среди улан и артиллеристов, где большой процент составляли бывшие солдаты русской армии, сильным было влияние большевистских агитаторов. По его свидетельству, в Новониколаевске не один раз на сухарном заводе расстреливали солдат за участие в тайных большевистских организациях [9. С. 119]. Как считает одна из активных участниц большевистского подполья А.В. Бердникова, сеть подпольных групп была создана в V дивизии в январе-феврале 1919 г. [16. Л. 3]. Генерал М. Жаннен в своей книге рассказывает о том, как был раскрыт «большевистский» заговор среди солдат 4-го польского полка. Последний зачастую так и называли – «советский», что говорит о серьезном влиянии пропагандистов из левых партий на солдат полка. Весной 1919 г. полк был расформирован. Правда, некото-

рые участники этих событий трактуют заговор не как «большевистский», а как протест военнопленных, силой мобилизованных в польские войска [17. С. 38–39]. Как бы там ни было, но расстрелы польских солдат у сухарных складов подтверждают и участники большевистского подполья в Новониколаевске [18. Л. 28]. По данным А.В. Бердниковой, в одной из частей, отказавшейся летом 1919 г. подчиниться приказу о выступлении против крестьян, было расстреляно свыше 60 польских солдат [16. Л. 14].

После того как генерал М. Жаннен стал главнокомандующим силами союзных государств, союзники взяли на себя заботу по охране железной дороги Омск – Владивосток. Полякам поручалась охрана дороги на участках Новониколаевск – Татарская, Татарская – Славгород, Новониколаевск – Барнаул [19. С. 9]. В то время как поляки стремились сохранять нейтралитет и не вмешиваться во внутрисоветский конфликт, положение армий А.В. Колчака на фронте ухудшилось. В этой ситуации по приказу М. Жаннена в начале мая 1919 г. 3-й полк польских стрелцов выезжает на охрану железной дороги от Татарской до Славгорода. В условиях, когда колчаковские войска начинают терпеть поражения, партизаны стремились вывести железные дороги из строя, чтобы отрезать колчаковцам и их союзникам путь к отступлению.

В мае 1919 г. отряд майора Вернера отправляют на север от города Барабинска с целью разбить партизан, угрожавших железнодорожной магистрали с севера [17. С. 355]. Польским отрядам, наступавшим со стороны Каинска и Татарки, удалось рассеять партизан [20. Л. 7–9]. Пока польские отряды были заняты ликвидацией повстанцев на севере, польское командование получило известия, что на юг от магистрали готовится новое восстание. Большевики решили главные силы бросить на захват Алтайской и Кулундинской дорог. Данный план угрожал интересам чешских и польских войск. Поляки стремились не допустить того, чтобы путь к эвакуации был отрезан. На юг от Новосибирска были отправлены отряды под командованием польских офицеров Веробя, Анковича и Дойана. Однако разбить основные силы партизан не удалось. Действия против партизан сопровождалась репрессиями против крестьян. Так, управа Новониколаевской уездной милиции 16 июля 1919 г. сообщала о расстреле польским отрядом под предлогом бунта и неподчинения 50 чел. [21. Л. 99]. В Новониколаевске, по воспоминаниям участников большевистского подполья, свирепствовала польская контрразведка. По словам одного из подпольщиков, «...белополяки зверски расправлялись с рабочими, забирали рабочих на улице, в столовых, зачастую только по признаку одежды» [22. Л. 229].

Осенью 1919 г., когда поражение войск А.В. Колчака стало очевидным, партизаны перехватили инициативу и стремились перерезать железнодорожную линию Славгород – Татарская. Колчаковское правительство, видя серьезную угрозу, 22 сентября 1919 г. издало приказ о введении военного положения в 18 уездах Западной Сибири. По воспоминаниям партизанского вожака И.В. Громова, Колчак направил против партизан Кулундинской степи 9 тыс. солдат [23. Л. 229]. Тогда поляки предпринимают свое третье наступление

против партизан, но и на этот раз безуспешно. Из г. Камень в глубь степи двигался легион под командованием полковника Болдока, а из г. Славгород – другой отряд под командованием полковника Когутневского. Наиболее крупный бой партизан Мамонтова и Громова с поляками произошел у с. Сидорки. По данным И.В. Громова, поляки и казаки в этом бою потеряли сотни людей [23. Л. 245]. Польское командование отдавало себе отчет в том, что борьба с партизанами настраивала против поляков широкие массы. Тем более что имели место факты мародерства и грабежей. По воспоминаниям сибирских партизан, поляки приводили в Новониколаевск скот (коров, свиней), привозили домашний скот и все это распродавали на базаре как свою добычу [24. Л. 5]. В с. Орлеан на Алтае во время военной экспедиции польских войск под командованием полковника Когутневского 10 человек были расстреляны, дома сожжены, у крестьян отбирали одежду, обувь, белье, швейные машины [25. Л. 11–74]. В октябре 1919 г. польские отряды совершили набег на села в районе станции Каргат. В с. Белое, Ирбизино, Лотошное проводились расстрелы, сжигались дома [26. Л. 25]. Р. Дыбосский вспоминает о выставке 180 самоваров, привезенных в качестве трофеев [9. С. 125]. Другой мемуарист П. Смолик несколько раз наблюдал триумфальное возвращение польских батальонов, которые гнали стада скота и лошадей и везли обозы с добычей [12. С. 109]. Крестьяне обращались с просьбами к колчаковским властям о возмещении убытков. В качестве примера можно привести приговор сельского схода с. Ярки Барнаульского уезда, где содержалась просьба о возмещении убытков. В данном селе польские войска в большом количестве изъяли у крестьян овес, муку, масло, картофель, яйца, мед, 23 головы скота [27. Л. 13]. К этому времени боевой дух польских войск падает. Подтверждением этого было пьянство значительной части личного состава, в особенности офицеров штурмового батальона.

После взятия большевиками Омска 14 ноября 1919 г. союзники вынуждены были начать эвакуацию на восток. Поляки начали эвакуацию из Новониколаевска 7 декабря 1919 г. К этому времени, по некоторым данным, они располагали примерно пятью тысячами вагонов [28. С. 88]. Кроме того, благодаря предприимчивости личного состава дивизии, она располагала тремя бронепоездами, имела два санитарных поезда, несколько десятков локомотивов. По данным М. Жаннена, к моменту эвакуации дивизия насчитывала 1 050 офицеров и 11 200 солдат. Вместе с дивизией эвакуировались 3 000 членов семей, 284 инвалида, а также лошади числом в 2 071 голову. Дивизия располагала запасами продовольствия и фуража на срок в четыре месяца. Полковник К. Румша приказал доставить вагоны с углем, которого должно было хватить на проезд дивизии до Ачинска [15. С. 41].

Эвакуация проходила в очень сложных условиях. Транссибирская магистраль была забита эшелонами отступающих белогвардейцев и их союзников. Чехословаки, в руках которых находилась вся железная дорога к востоку от Новониколаевска, продвигались на восток со скоростью 20 км/сут, в то время как большевики наступали со скоростью 35–40 км/сут. Поезда

V дивизии двигались в боевой готовности. Впереди ехал бронепоезд «Варшава», а сзади – бронепоезд «Познань» и арьергард под командованием капитана Веробей. На станциях Литвиново, Тудальская и Тайга отряд Веробей вынужден был вступать в бой с наступающими частями 5-й армии красных.

На станции Тайга произошло самое крупное сражение между поляками и наступающими войсками красных. Битва началась 22 декабря вечером и продолжалась в течение суток до позднего вечера 23 декабря. Красные стремились перерезать польской дивизии путь отступления на восток. Однако польские части сумели прорваться к станции Анжерка [29. С. 54]. В этом бою пали, по данным польской стороны, более ста польских солдат и несколько сотен бойцов красных войск. По воспоминаниям А.П. Кучкина, комиссара 27 дивизии 5-й армии в бою под Тайгой польская дивизия была разбита наголову [30. Л. 27].

Передовые отряды польской дивизии подходили к Красноярску, где произошел политический переворот и власть оказалась в руках эсеров. В этой ситуации командующий польскими войсками В. Чума обратился к ним с письмом, в котором объяснял цель эвакуации польских войск и объявлял о невмешательстве во внутренние дела России, а стычки с большевиками объяснялись самообороной. Среди солдат тем временем стала распространяться эпидемия тифа. 7 января 1920 г. части польской дивизии достигли станции Ключвенная (120 верст на восток от Красноярска). Стало ясно, что дальше пути нет, т.к. вся дорога забита чешскими эшелонами, которые из-за недостатка топлива и неисправности локомотивов не могли двигаться дальше. Поляки встали перед альтернативой: продолжать борьбу или капитулировать. Когда 10 января военный комиссар 5-й армии предложил полякам сложить оружие, то В. Чума после военного совета с высшими офицерами дивизии принял это предложение [17. С. 363].

Условия капитуляции предусматривали следующее: польская дивизия сдает оружие, офицеры и солдаты дивизии считаются военнопленными, польским военнослужащим гарантируется личная неприкосновенность. Те из поляков, кто не признал капитуляции, во главе с полковником К. Румшей решили через Иркутск пробираться в Маньчжурию. Через два месяца им удалось добраться до Харбина, а 1 июля 1920 г. на английском корабле «Ярослав» 120 офицеров и 800 солдат из V польской дивизии прибыли в Гданьск [17. С. 592].

Что касается большинства солдат и офицеров польской дивизии, которые признали условия капитуляции, то их положение было нелегким. По сведениям бывших пленных поляков, ни один из пунктов условий капитуляции не был большевиками выполнен. Офицеры, солдаты и их семьи были ограблены. Женщины и дети оказались на улицах Красноярска фактически без средств к существованию. Правда, часть солдат, воспользовавшись неразберихой, царившей в период становления советской власти, сумела скрыться в населенных пунктах Томской, Енисейской и Иркутской губерний. После смены на рубеже 1919–1920 гг. колчаковского правительства правительством большевиков последние начинают последовательный государственный террор против всех враждебных слоев населения.

Красный бандитизм являлся продолжением гражданской войны и проявлялся в сведении счетов победителей с многочисленными сторонниками белой власти [31. С. 81]. К польским солдатам и офицерам из V дивизии новые власти относились как к белогвардейцам. Не случайно польская дивизия в некоторых документах советских органов власти называлась «Польская сибирская колчаковская дивизия» [32. Л. 200].

Начало внушительных чисток на территории Сибири, которые проводили органы ВЧК, относится к весне 1920 г., когда новым полномочным представителем ВЧК по Сибири стал И.П. Павлуновский [31. С. 81]. К тому же весной 1920 г. началась Советско-польская война, которая послужила предлогом для новых репрессий против поляков на территории Сибири. Начались аресты польских солдат, которые прокатились практически по всем крупным городам Сибири: Омск, Новониколаевск, Красноярск, Томск. Чекисты выдвигали против пленных поляков следующие обвинения: служба в польском легионе и грабеж мирных жителей, участие в «контрреволюционной организации», антисоветская агитация, принадлежность к «польскому гражданству» и т.д. В качестве наказания служило заключение в концентрационный лагерь или принудительные работы сроком от 6 месяцев до 15 лет [32. Л. 25, 70, 149, 189]. С особенной жестокостью действовали органы ВЧК на железной дороге. Так называемые «Районные транспортные чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией» своими постановлениями в Томске, Красноярске приговаривали польских солдат к расстрелу. Как правило, через несколько дней, приговор приводился в исполнение. В 1921 г. после подписания мирного договора между Советской Россией и Польшей польская делегация по репатриации выступала с требованиями проведения судебного расследования в связи с расстрелами органами ВЧК польских военнопленных в Красноярске. В Иркутске по приказу губчека расстреляна в июле 1921 г. группа польских граждан, то же самое произошло в Новониколаевске, где 8 мая 1921 г. были расстреляны двое поляков [32. Л. 93–94, 101]. Только после 1922 г., когда укрепилась местная власть, заработали органы прокуратуры, «кровавое напряжение Гражданской войны постепенно ушло в прошлое» [31. С. 83].

Из капитулировавших польских солдат, которые не захотели вступать в Красную армию, была сформирована «Енисейская рабочая бригада». Всего в Красноярском лагере находилось примерно 8 тыс. пленных поляков [33. С. 45]. Продовольственный паек военнопленных был недостаточным. Поначалу пленные получали полфунта хлеба, конину и рыбу. Охрана, состоявшая из «интернационалистов» (немцы, латыши и венгры), грабили их, так что они оставались почти в лохмотьях [16. С. 364]. Сотни пленных стали жертвами эпидемии тифа. Тяжелым было положение пленных, которые находились в Томске на принудительных работах, иногда они не могли ходить от голода [34. С. 24]. В целом Р. Дыбоский оценивает потери польской дивизии убитыми, замученными, умершими в 1,5 тыс. человек [9. С. 142]. Условия жизни, питание в лагерях были очень плохими по причине скверного экономического состояния Советской России [33. С. 47].

Какая-то часть пленных с самого появления в Сибири смогла устроиться на работу к богатым крестьянам. Такие пленные возвращались в Польшу в 1921 г. практически здоровыми [9. С. 48]. Советские власти большое значение придавали культурно-просветительной и политико-воспитательной работе среди пленных. Предполагалось, что посредством такой работы среди рядовых (офицеры считались контрреволюционерами) можно будет развить у них «классовое» сознание и превратить их в сторонников советской власти [33. С. 48]. Такой работой занимались в основном поляки-коммунисты. Однако есть основания утверждать, что в Красноярском лагере эта работа успеха не имела. В 1921 г. из более 7 тыс. пленных в коммунистические ячейки вступил только 61 чел. [9. С. 122].

После победы большевиков в Гражданской войне в судьбах сибирских поляков произошли глубокие перемены. Во-первых, были ликвидированы многочисленные польские общественные организации. Во-вторых, совет-

ское правительство начало проводить политику гонений на религию. В связи с такой политикой советских властей усилилось стремление тысяч поляков уехать в Польшу. Большинство участников польских военных формирований в Сибири также стремились покинуть край.

12 октября 1920 г. был подписан договор о перемирии между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой, а 24 февраля того же года были подписаны протокол о продлении перемирия и соглашение о репатриации. После заключения мирного договора в Риге 18 марта 1921 г. польская делегация по репатриации прибыла в Москву, а 1 сентября польское представительство выехало в Сибирь. Из Сибири в Польшу в ходе репатриации 1921–1922 гг. уехало около 27 тыс. поляков [35. С. 21]. Таким образом, польские военнопленные получили возможность вернуться на родину. Важно подчеркнуть, что среди репатриантов большую часть составляли представители польской элиты: предприниматели, научные работники, военные.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Polski slownik biograficzny*. Wroclaw, 1964. Т. XI/1. Zesztyt 48.
2. Манусевич А.Я. Польские интернационалисты в борьбе за победу советской власти в России. Февраль–октябрь 1917. М., 1965.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 416. Оп. 2. Д. 8.
4. ГАТО. Ф. 416. Оп. 1. Д. 1.
5. ГАТО. Ф. 416. Оп. 2. Д. 2.
6. ГАТО. Ф. 416. Оп. 1. Д. 2.
7. ГАТО. Ф. 416. Оп. 2. Д. 6.
8. ГАТО. Ф. 416. Оп. 2. Д. 28.
9. *Dyboski R. Siedem lat w Rosji i na Syberji (1915–1921)*. Krakow, 1922.
10. ГАТО. Ф. 416. Оп. 2. Д. 18.
11. *Scholtze-Srokowski W. Geneza Wojska Polskiego na Syberji // Sybirak*. 1936. № 1 (9).
12. *Smolik P. Przez lady i oceany (szesc lat na Dalekim Wschodzie)*. Warszawa. b.r.
13. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-5. Оп. 7. Д. 33.
14. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1524.
15. *Rogowski J. Dzieje Wojska Polskiego na Syberji*. Poznan, 1927.
16. ГАНО. Ф. П-5а. Оп. 1. Д. 276.
17. *Baginski H. Wojsko Polskie na Wschodzie. 1914–1920*. Warszawa, 1921.
18. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 3. Д. 92а.
19. *Domaszewski A. General Janin o Dywizji Syberyjskiej // Sybirak*. 1936. № 3 (11).
20. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 962.
21. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 3. Д. 129.
22. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 3. Д. 92.
23. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 1. Д. 205.
24. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 3. Д. 145.
25. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 3. Д. 212.
26. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 1. Д. 69.
27. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1437.
28. *Сахаров К.В. Белая Сибирь // Гражданская война в Сибири и Северной области*. М., 1927.
29. *Skorobohaty-Jakubowski J. Cieniom towarzyszy broni pod Tajga // Sybirak*. 1935. № 4.
30. ГАНО. Ф. П-5а. Оп. 1. Д. 112.
31. *Тепляков А. Красный бандитизм // Родина*. 2000. № 4.
32. ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 492.
33. *Костошко И.И. К вопросу о польских военнопленных 1920 года // Славяноведение*. 2000. № 3.
34. *Tyszka P. Z Tragicznych przezyc w V-j Syberyjskiej Dywizji i w niewoli (1918–1921) // Sybirak*. 1936. № 4 (12).
35. *Масярже В. Поляки в Восточной Сибири (1907–1947 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук*. Иркутск, 1995.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 апреля 2008 г.